

**Конвенция против пыток и
других жестоких, бесчеловечных
или унижающих достоинство
видов обращения и наказания**

Distr.: General
5 August 2019
Russian
Original: English

Комитет против пыток

**Решение, принятое Комитетом в соответствии
со статьей 22 Конвенции относительно
сообщения № 776/2016* ** ****

<i>Сообщение представлено:</i>	Х и Y (представлены адвокатом Марселем Цирнгастом)
<i>Предполагаемые жертвы:</i>	заявители
<i>Государство-участник:</i>	Швейцария
<i>Дата сообщения:</i>	19 октября 2016 года (первоначальное представление)
<i>Справочная документация:</i>	решение в соответствии с правилами 114 и 115 правил процедуры Комитета, препровожденное государству-участнику 25 октября 2016 года (в виде документа не издавалось)
<i>Дата принятия решения:</i>	23 апреля 2019 года
<i>Тема сообщения:</i>	депортация в Пакистан
<i>Процедурный вопрос:</i>	отсутствует
<i>Вопрос существа:</i>	риск для жизни или риск применения пыток или бесчеловечного или унижающего достоинство обращения в случае депортации в страну происхождения (невыворение)
<i>Статьи Конвенции:</i>	3 и 22

1.1 Заявителями являются Х и Y, граждане Пакистана 1966 и 1973 годов рождения соответственно. После отклонения их ходатайства о предоставлении убежища в Швейцарии они утверждают, что государство-участник нарушит их права по статье 3 Конвенции, если принудительно депортирует их в Пакистан. Заявители представлены адвокатом Марселем Цирнгастом.

1.2 26 октября 2016 года в соответствии с правилом 114 своих правил процедуры Комитет, действуя через своего Докладчика по новым жалобам и временным мерам,

* Принято Комитетом на его шестьдесят шестой сессии (23 апреля – 17 мая 2019 года).

** В рассмотрении настоящего сообщения принимали участие следующие члены Комитета: Эссадия Бельмир, Абдельвахаб Хани, Клод Эллер Руассан, Йенс Модвиг, Ана Раку, Диего Родригес-Пинсон, Себастьян Тузе, Бахтияр Тузмухамедов и Хунхун Чжан.

*** В приложении к настоящему решению содержится особое (несогласное) мнение члена Комитета Абдельвахаба Хани.

просил государство-участник воздержаться от высылки заявителей в период рассмотрения их жалобы. 31 октября 2016 года государство-участник сообщило, что высылка заявителей была приостановлена в соответствии с просьбой Комитета. 4 декабря 2017 года Комитет, действуя через того же Докладчика, отклонил просьбу государства-участника о прекращении рассмотрения сообщения¹.

Факты в изложении авторов

2.1 Заявители являются католиками и состоят в браке друг с другом. В 2006 году заявитель начал работать офисным сотрудником в посольстве Швейцарии в Исламабаде. С 2010 года ему начали регулярно поступать телефонные звонки от неких лиц, предлагавших денежные взятки в обмен на незаконное получение виз.

2.2 В феврале 2011 года какие-то люди пристали к нему на улице с аналогичной просьбой. Поскольку он неизменно отклонял эти просьбы, поступавшие ему на работе телефонные звонки стали более угрожающими. В начале марта 2011 года он получил письмо с угрозами. В середине апреля 2011 года в Лахоре те же самые лица, которые угрожали ему, напали на него и жестоко избили.

2.3 Спустя примерно две недели после нападения в Лахоре заявителю стало известно, что на него было подано заявление в полицию в связи с нарушением установленного законом запрета на богохульство. С целью исправить положение, в котором он оказался, в конце июня 2011 года он расторг трудовой договор со швейцарским посольством. 17 июля 2011 года заявители вылетели в Швейцарию, воспользовавшись имевшимися у них постоянными швейцарскими визами.

2.4 В сентябре 2011 года заявители вернулись в Пакистан в надежде, что их положение нормализовалось. По прибытии они обнаружили, что полиция выдала ордер на их арест. В связи с этим в октябре 2011 года они вновь выехали в Швейцарию.

2.5 9 октября 2011 года заявители подали ходатайство о предоставлении убежища в Швейцарии. 4 декабря 2014 года Федеральное управление по делам миграции отклонило их ходатайство. 19 сентября 2016 года Федеральный административный трибунал отклонил их апелляцию на это решение.

Жалоба

3.1 Заявители утверждают, что государство-участник нарушит их права в случае их высылки в Пакистан, где они опасаются за свою жизнь и физическую неприкосновенность, поскольку заявитель является объектом уголовного преследования за богохульство, а вместе они в силу своей христианской веры не имеют эффективной защиты со стороны правительства от антихристианского насилия. Заявитель рискует подвергнуться пыткам или другому жестокому обращению в силу презумпции того, что он совершил богохульство.

3.2 Хотя и Федеральное управление по делам миграции, и Федеральный административный трибунал сочли, что доводы заявителей не заслуживают доверия, заявители четко и подробно изложили свою позицию в ходе бесед с представителями национальных властей. В апелляционном порядке они ответили на сомнения достоверности их показаний, возникшие у Федерального управления по делам миграции, но Федеральный административный трибунал не принял их ответы во внимание и лишь повторил выводы Управления о том, что заявления заявителей являются нелогичными, противоречивыми и нереалистичными. При этом заявитель привел несколько имен и названий мест и с точностью описал свою встречу 24 февраля 2011 года в Исламабаде с лицами, которые пытались заставить его незаконно выдать

¹ Просьба государства-участника о прекращении сообщения была основана на информации о том, что заявители безвестно отсутствовали со 2 марта 2017 года. В своих комментариях от 17 ноября 2017 года заявители сообщили Комитету, что они никуда не пропадали. Просто они отказались проживать во временном жилье, предоставленном кантоном Цюрих, предпочтя остаться в частном доме своего знакомого. Заявители утверждают, что в письме от 24 марта 2017 года они сообщили государству-участнику о своем местонахождении.

швейцарские визы, а также нападение на него тех же лиц в парке Либерти в Лахоре 16 апреля 2011 года.

3.3 Швейцарские власти придали большое значение предполагаемым несоответствиям в показаниях заявителей в отношении того момента, когда заявитель начал получать телефонные звонки с угрозами в посольстве Швейцарии. Однако заявители пояснили, что первоначально они не воспринимали эти звонки как угрозы и что они даже вместе смеялись над ними, поскольку заявитель даже не имел полномочий на выдачу виз. Заявители указали, что они стали воспринимать эти звонки как угрожающие только после того, как пять человек напали на заявителя на улице. Заявитель также отметил, что оператор коммутатора по имени М отвечал на звонки в посольстве и перенаправлял их ему. Уровень детализации информации, представленной заявителями швейцарским властям, свидетельствует о том, что они действительно пережили эти события.

3.4 Швейцарские власти также обнаружили противоречия в утверждениях заявителей о прибытии полиции в дом брата заявителя. Однако оба заявителя показали, что после угроз и нападения им стало известно, что на них была подана жалоба. Когда заявитель еще находился в Пакистане, к дому брата пришли какие-то лица и оставили там запись мелом. В то время заявители не знали, были ли эти лица сотрудниками полиции. Лишь после прибытия заявителя в Швейцарию домой к его брату явились сотрудники полиции, которые спрашивали, где находится заявитель. Возможно, показания заявителя швейцарским властям по этому вопросу были недостаточно точными, но он просто не понимал, были ли лица, которые ранее приходили к дому брата, сотрудниками полиции или нет. Эта неоднозначность может быть объяснена тем, что в Пакистане широко распространена коррупция в полиции и христианам, которые обращаются жалобами на преступность, не предоставляется никакой государственной защиты. Заявители не имели контактов с братом в период своего первого пребывания в Швейцарии и не говорили с ним о своем возвращении в Швейцарию.

3.5 Хотя швейцарские власти сочли добровольное возвращение заявителей в Пакистан нелогичным и необъяснимым, следует отметить, что заявители вели там вполне благополучную жизнь. В подтверждение своего вполне успешного положения в профессиональном и социальном плане они предоставили швейцарским властям соответствующие доказательства. Никто не станет отказываться от подобного положения без веской на то причины. Заявитель работал там фотографом, а его брат владел фотомагазином в Лахоре. Оба заявителя указали швейцарским властям, что, поскольку заявитель ушел со своей работы в швейцарском посольстве, он надеялся, что его положение в Пакистане улучшится. Изначально заявители отправились в Швейцарию для того, чтобы избежать опасности, узнав о поданной против них жалобе в полицию. Однако на данном этапе они не отказывались от последующей жизни в Пакистане. Их заявление о том, что они случайно встретили пакистанского гражданина в Цюрихе и смогли пожить у него какое-то время, является слишком конкретным и нетипичным, чтобы быть ложным. Не желая быть обузой для своих соотечественников, они решили вернуться в Пакистан, где они хотели жить. Вот почему они не подали ходатайство о предоставлении убежища во время своего первого пребывания в Швейцарии.

3.6 В ходе беседы заявитель прямо заявил, что во время своего первого пребывания в Швейцарии полиция в Пакистане отправилась в дом его брата в Лахоре, чтобы разыскать заявителей, и что он узнал об этом только после своего возвращения. Это соответствует утверждению заявительницы о том, что только после возвращения заявителей в Швейцарию они узнали, что полиция дважды являлась к брату заявителя в поисках заявителей. Последующее подписанное письменное заявление заявителя, в котором он утверждал, что его брат сообщил ему о посещениях полиции по телефону, было основано на недоразумении. Заявитель хотел заявить, что он не звонил своему брату из-за высокой стоимости звонков и что он не знал точно, когда сотрудники полиции являлись в дом его брата. Заявитель не узнавал о посещениях полиции по телефону. Учитывая длительность беседы, понятно, что заявитель не смог исправить эту ошибку во время повторного перевода своего письменного заявления. Кроме того,

Федеральное управление по делам миграции провело беседу с заявителями только через три года после подачи ими ходатайства о предоставлении убежища; это также объясняет определенную неясность в отношении вспомогательных вопросов, которые не ставят под сомнение общую достоверность утверждений заявителей. Даже по прошествии трех лет их заявления были подробными и реалистичными.

3.7 Кроме того, Федеральный административный трибунал не рассмотрел должным образом первый информационный отчет, представленный заявителями. В опубликованном 5 мая 2011 года отчете содержалось заявление одного человека, который сообщил полиции Лахора, что заявитель проповедовал о крестовых походах и неоднократно критиковал пророка Мохамеда. Согласно отчету, несколько человек стали свидетелями того, как заявитель участвовал в этих действиях².

3.8 В Пакистане все более широкое распространение имеет исламский фундаментализм, и законы, запрещающие богохульство, используются для давления на религиозные меньшинства, особенно христиан. Христиане часто ложно обвиняются в богохульстве, и когда это происходит, их жизни угрожает опасность, если они не находятся под защитой полиции. В марте 2011 года министр по делам меньшинств Шахбаз Бхатти был убит после публичного заявления в поддержку пересмотра закона, запрещающего богохульство. Двумя месяцами ранее губернатор провинции Пенджаб Салман Тасир был убит после того, как пытался помочь христианину, приговоренному к смертной казни за богохульство. Большинство политиков и большинство населения Пакистана одобрили эти убийства. С тех пор ситуация не улучшилась, и поэтому утверждение заявителей о том, что их обвинили в богохульстве и что они не могут получить государственную защиту, полностью заслуживает доверия.

3.9 Федеральное управление по делам миграции и Федеральный административный трибунал сочли, что первый информационный отчет имеет ограниченную доказательственную силу, поскольку он представляет собой копию, а не оригинал и поскольку подобные отчеты легко могут быть получены незаконным путем. Тем не менее первые информационные отчеты являются стандартными документами, используемыми для регистрации уголовных жалоб; получить оригинал, который остается у полиции, невозможно. Заявители представляют письмо от Шазада Ахмеда, адвоката из Цюриха, в котором говорится, что первый информационный отчет является письменным документом, подготовленным полицией Пакистана в ответ на уголовную жалобу, и что подлинники не могут быть предоставлены официально или неофициально.

3.10 В ходе беседы в Федеральном управлении по делам миграции 4 ноября 2014 года заявитель сообщил, что полиция передала его брату копию первого информационного отчета. Затем его попросили представить отчет, и он попросил своего брата запросить его. Это правда, что в Пакистане легко получить поддельные документы. Однако это не касается христиан и меньшинств. Попытка христианина запросить фальсифицированный документ у властей может обернуться угрозой для его жизни. Поэтому швейцарские власти ошибочно считают, что отчет, представленный заявителем, не имеет доказательной силы на основании повсеместной коррупции в Пакистане. Более того, власти действовали произвольно, попросив заявителя предоставить отчет, а затем заявив, что он не имеет доказательной силы. Сам по себе отчет достаточен, чтобы продемонстрировать, что заявитель рискует подвергнуться в Пакистане обращению, противоречащему статье 3 Конвенции.

3.11 Швейцарские власти также ошибочно отвергли другие доказательства, представленные заявителем, в частности письма церковных лидеров. Власти не изучили их содержание и сочли их фиктивными письмами, не имеющими доказательной силы. Однако руководители церкви сообщили в письмах, что они хорошо знали заявителя, и указали, что были в курсе того, что он столкнулся с угрозами.

3.12 Швейцарские власти ошибочно сочли абсурдным утверждение заявителя, который много лет проработал в посольстве Швейцарии в Исламабаде, о том, что

² Заявители представляют копию первого информационного отчета.

первоначально он не знал о возможности ходатайствовать о предоставлении убежища в Швейцарии. Хотя это утверждение может показаться странным, заявитель сообщил властям, что ему было известно о законе об убежище, однако первоначально он не думал о том, чтобы подать заявление на него самостоятельно. Это заявление доказывает, что заявители первоначально хотели продолжать жить в Пакистане. Они решили ходатайствовать о предоставлении убежища только во время своего второго пребывания в Швейцарии, после того как заявительница потеряла свою сумочку и паспорта заявителей в Базеле. Обеспокоенные заявители связались с человеком, который принимал их во время их первого пребывания в Швейцарии. Он призвал их связаться с властями. Хотя они, возможно, были наивны в том, что не рассматривали идею подачи ходатайства о предоставлении убежища во время своего первого пребывания в Швейцарии или в начале второго пребывания там, это ни в коем случае не было абсурдом. Более того, они очень подробно описали обстоятельства своего второго прибытия в Швейцарию; это доказывает, что их рассказ не был вымышленным.

3.13 Хотя швейцарские власти сочли нелогичным, что заявитель не проинформировал посольство Швейцарии об угрозах по телефону, он четко заявил, что оператор коммутатора знал об этих звонках и предупредил заявителя не участвовать в незаконной деятельности. Поскольку положение заявителя было деликатным, понятно, что он не сообщил своему начальству ни об угрозах, ни о последующих инцидентах. Он предполагал, что вмешается полиция, и, учитывая широко распространенную коррупцию в полиции и антихристианскую обстановку в Пакистане, у него были все основания опасаться полиции.

3.14 Швейцарские власти также сочли неподлинным представленное заявителями письмо с угрозами, поскольку оно было частично написано на английском языке. Тем не менее письмо содержит лишь несколько англоязычных терминов и не отражает высокий уровень образования, который противоречил бы предполагаемому деревенскому происхождению лиц, написавших письмо с угрозами. Кроме того, подавляющее большинство пакистанцев владеют английским языком. Таким образом, возражения швейцарских властей против подлинности письма являются необоснованными.

Замечания государства-участника по существу дела

4.1 В своих замечаниях от 25 апреля 2017 года государство-участник дополнило фактическую основу сообщения элементами, поднятыми заявителями в ходе внутреннего разбирательства. Заявитель утверждает, что он начал получать телефонные звонки с угрозами в конце 2010 года и что в феврале 2011 года те же лица, которые звонили ему по телефону, подошли к нему на улице и предложили взятку в обмен на его помощь в получении виз. После того как он отказался, он стал получать звонки с угрозами почти каждый день. 3 марта 2011 года он также получил письмо с угрозами. 16 апреля 2011 года звонившие ему лица пригрозили ему расправой и избili его в Лахоре. По словам заявителя, примерно две недели спустя ему позвонил пастор и сообщил, что его преследователи подали на него уголовную жалобу за оскорбление пророка Мохамеда. 30 июня 2011 года он уволился с работы в посольстве Швейцарии, опасаясь как своих преследователей, так и полиции. Заявительница утверждает, что начала работать в посольстве Швейцарии в 2007 году в качестве горничной начальника визового отдела. Лица, угрожавшие ее мужу, также угрожали причинить ей вред. Однако она никогда не имела контактов с ними.

4.2 Впервые заявители прибыли в Швейцарию 17 июля 2011 года, а в сентябре 2011 года вернулись в Лахор. 2 октября 2011 года они вновь прибыли в Швейцарию, а затем потеряли свои паспорта в Базеле. 9 ноября 2011 года они подали ходатайство о предоставлении убежища. 17 ноября 2011 Федеральное управление по делам миграции (с 1 января 2015 года – Государственный секретариат по вопросам миграции) года провело с ними собеседование³. 21 марта 2013 года Управление запросило информацию по делу заявителей в посольстве Швейцарии в Исламабаде. 4 ноября

³ Государство-участник представляет отчет о беседе на немецком языке от 17 ноября 2011 года.

2014 года Управление вновь провело беседу с заявителями. Их ходатайство о предоставлении убежища и соответствующая апелляция были отклонены 4 декабря 2014 года и 19 сентября 2016 года, соответственно, на том основании, что их заявления не заслуживают доверия.

4.3 Государство-участник считает сообщение необоснованным, поскольку утверждения заявителей неправдоподобны, и ничто не указывает на то, что они столкнутся с конкретной и личной угрозой подвергнуться пыткам в Пакистане. Швейцарские власти отклонили их претензии после тщательного и внимательного рассмотрения. В их сообщении не содержится никаких новых элементов, которые могли бы привести Комитет к иному выводу.

4.4 Одного лишь общего положения в Пакистане недостаточно для того, чтобы продемонстрировать, что заявители рискуют подвергнуться там пыткам⁴. Хотя заслуживающие доверия сообщения указывают на то, что религиозные меньшинства в Пакистане подвергаются повышенному риску репрессий и сталкиваются с дискриминацией⁵, учитывая большое число христиан, проживающих в Пакистане, количество актов насилия в отношении них не свидетельствует о том, что они подвергаются коллективному преследованию⁶. Кроме того, правительство Пакистана объявило о национальном плане действий по борьбе с терроризмом, включающего четкую цель борьбы с разжиганием религиозной ненависти и судебного преследования тех, кто обвиняет других в неверности. В ряде случаев вмешательство полиции не позволило толпе расправиться с христианами. Вместе с тем, согласно сообщениям, зачастую полиция не обеспечивает защиту религиозных меньшинств от нападений и внутреннее перемещение не является приемлемым вариантом для христиан, обвиняемых в богохульстве⁷. Тем не менее апелляционные суды отменяли решения судов низшей инстанции, осудивших отдельных лиц за богохульство⁸.

4.5 При оценке риска, связанного с принудительным возвращением, для целей статьи 3 Конвенции следует учитывать прошлые акты пыток, однако заявители не утверждают, что они подвергались пыткам или жестокому обращению в прошлом. Они утверждают, что заявитель был избит пятью мужчинами в Лахоре, но не утверждают, что нападавшие были представителями государства или лицами, действовавшими с явного или молчаливого одобрения государства.

4.6 При оценке риска, связанного с принудительным возвращением, также следует и учитывать политическую деятельность, однако заявители не утверждают, что они занимались политической деятельностью. Одной лишь принадлежности к христианскому меньшинству недостаточно, чтобы установить, что заявители будут подвергнуты пыткам по возвращении в Пакистан.

4.7 Утверждения заявителей в ходе внутреннего разбирательства противоречили друг другу по ряду важных аспектов. Если заявитель указал, что телефонные звонки с угрозами начались в конце 2010 года и что он с самого начала информировал о них свою жену, то заявительница утверждала, что он сообщил ей об этих звонках только в январе 2011 года. Кроме того, если заявитель указал, что звонившие потребовали

⁴ Государство-участник ссылается на решение Европейского суда по правам человека *Samina vs Sweden* (application No. 55463/09), judgment of 20 October 2011, para. 50.

⁵ Государство-участник ссылается, в частности, на главу о Пакистане в Human Rights Watch, *World Report 2017* (New York, 2017).

⁶ Государство-участник ссылается на документ Министерства внутренних дел Соединенных Штатов Америки «Country information and guidance – Pakistan: Christians and Christian converts» («Страновая информация и руководство – Пакистан: христиане и новообращенные христиане»), май 2016 года, стр. 6 текста оригинала.

⁷ Государство-участник ссылается, в частности, на документ государственного департамента Соединенных Штатов Америки «Country Reports on Human Rights Practices for 2016: Pakistan» («Страновые доклады о практике в области прав человека за 2016 год: Пакистан»), стр. 12 оригинала; и документ Министерства внутренних дел Соединенного Королевства «Country information and guidance – Pakistan: Christians and Christian converts» («Страновая информация и руководство – Пакистан: христиане и новообращенные христиане»), стр. 9 текста оригинала.

⁸ Государство-участник ссылается, в частности, на United States Department of State, «Country reports on human rights practices for 2016: Pakistan», pp. 17–18.

встречи с ним во время первого телефонного разговора в 2010 году, то заявительница сообщила, что впервые они потребовали встречи только в феврале 2011 года. Эти телефонные звонки сыграли определяющую роль в решении заявителей покинуть Пакистан. Однако согласовать их противоречивые заявления по этому вопросу трудно.

4.8 Кроме того, заявители были непоследовательны в указании дат, связанных с началом розыска заявителя полицией. Заявитель указал, что полиция дважды разыскивала его в доме его брата: один раз перед его отъездом в Швейцарию и еще раз, когда он находился в Швейцарии. Напротив, заявительница сообщила, что оба эти случая произошли во время пребывания заявителей в Швейцарии и что они узнали о них только по возвращении в Пакистан. С учетом того, что розыск заявителя полицией является важным фактором в их изложении событий, особенно в связи с его возвращением в Пакистан, удивительно, что их заявления по этому вопросу отличаются. Попытка заявителей объяснить это несоответствие в их сообщении неубедительна.

4.9 Несмотря на то, что заявители утверждают, что об уголовной жалобе их проинформировал пастор, они не объясняют, как пастор мог узнать об этой жалобе, а заявитель не смог объяснить это, когда его об этом спросили. Это указывает на то, что утверждение о преследовании заявителя полицией не заслуживает доверия. Но даже если бы оно и заслуживало бы доверия, согласно правовой практике Комитета, статья 3 Конвенции не предоставляет защиту лицам, которые просто утверждают, что боятся ареста в стране своего происхождения⁹.

4.10 Кроме того, утверждения заявителей являются нелогичными и непонятными. Согласно заявителю, когда он находился в Швейцарии, его брат сообщил ему, что полиция разыскивает его в Пакистане. Таким образом, он знал, что ситуация в Пакистане ухудшилась, и все же решил вернуться туда в сентябре 2011 года. Если заявители чувствовали угрозу, то можно было бы ожидать, что они проконсультируются со своей семьей до возвращения. Однако они этого не сделали. Также неправдоподобно, что заявитель получал телефонные звонки с угрозами почти каждый день, но не сообщал о них своим руководителям, и что только один сотрудник посольства Швейцарии был в курсе этих звонков.

4.11 Помимо этого, заявительница уклончиво отвечала на вопросы, касающиеся возвращения супругов в Пакистан. Билеты на самолет, которые они приобрели для вылета в Пакистан 31 августа 2011 года, были билетами в оба конца и включали их обратный рейс в Швейцарию 1 октября 2011 года¹⁰. Хотя заявитель заявил, что при покупке билета его знакомый включил и обратный рейс для получения более низкой цены, представляется маловероятным, что дата этого обратного рейса, выбранная за несколько месяцев до последующих событий, совпала с датой, когда они действительно выехали в срочном порядке.

4.12 Ряд других несоответствий указывают на неправдоподобность утверждений заявителей: а) представляется нелогичным, что заявители ожидали процедуры обжалования в Федеральном административном суде, чтобы представить первый информационный отчет, учитывая, что брат заявителя якобы получил этот отчет при первом посещении его дома сотрудниками полиции; б) в первом информационном отчете проставлен штамп на английском языке, что неправдоподобно, поскольку остальная часть документа написана на языке урду; и в) заявители не обосновали свое утверждение о том, что христианам трудно получить поддельные документы в Пакистане.

4.13 В дополнение к этому имеется несколько неясных аспектов утверждений заявителей относительно их паспортов. Как утверждал заявитель, он оставил паспорта в сумочке заявительницы, в которой также находилось их другое имущество стоимостью около 1 200 евро, в доме их хозяина. Как только они поняли, что случайно оставили сумку в доме, они сразу же вернулись в дом, но ее там уже не было. Это

⁹ Государство-участник ссылается на дело *М.А.Х. и Ф.Х. против Швейцарии* (CAT/C/51/D/438/2010), пункт 7.5.

¹⁰ Государство-участник представляет копию электронных билетов заявителей.

произошло 7 ноября 2011 года, за два дня до подачи ими ходатайства о предоставлении убежища. Однако заявительница утверждает, что оставила сумку на каких-то ступеньках во время прогулки вдоль реки. По ее словам, заявители затем пошли в дом хозяина и обыскали его, прежде чем вернуться на то же самое место у реки, но не смогли найти сумочку. Затем они позвонили хозяину, который сказал им, что они не могут больше оставаться у него и что им следует обратиться в полицию и сообщить об утерянной сумке. Учитывая высокую стоимость их имущества, удивительно, что заявительница оставила сумочку на берегу реки. Удивительно также и то, что удостоверения личности заявителя, которые также являются важными документами, не находились в утерянной сумочке.

4.14 Письма пасторов и церковных лидеров, которые представили заявители в национальные органы власти, не имеют доказательной силы, поскольку являются не более чем фиктивными письмами. Удивительно также и то, что о якобы имевших местах угрозах заявитель сообщил пасторам, а не его руководителям в посольстве Швейцарии.

4.15 С учетом вышеизложенного нет никаких оснований для вывода о том, что высылка заявителей в Пакистан будет представлять собой нарушение государством-участником своих обязательств по статье 3 Конвенции.

Комментарии заявителей к замечаниям государства-участника по существу дела

5.1 В своих комментариях от 17 ноября 2017 года заявители утверждают, что государство-участник лишь повторяет аргументы, приведенные Федеральным управлением по делам миграции и Федеральным административным трибуналом, и не отвечает на разъяснения заявителей, представленные заявителями в их сообщении. Заявители подробно объяснили причины своего бегства из Пакистана. Объяснения, касающиеся полета из страны, часто могут показаться нелогичными или неправдоподобными лицам, проживающим в безопасной стране, поскольку эти поездки являются сложными и могут быть поняты неправильно.

5.2 Государство-участник критикует заявителя за то, что он дождался процедуры апелляции для представления первого информационного отчета в качестве доказательства. Однако, как уже пояснялось, в ходе беседы 4 ноября 2014 года государство-участник потребовало от заявителей представить отчет в самые кратчайшие сроки. Они выполнили эту просьбу в кратчайшие сроки и получили отчет через несколько недель, а именно 8 декабря 2014 года. Между тем Федеральное управление по делам миграции уже отклонило ходатайство заявителей о предоставлении убежища за четыре дня до этого. Заявители не были в состоянии представить отчет до принятия этого решения. Быстрота, с которой их ходатайство о предоставлении убежища было отклонено, несмотря на просьбу властей о представлении отчета, ставит под сомнение готовность государства-участника объективно и беспристрастно оценивать риск, с которым сталкиваются заявители.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

Рассмотрение вопроса о приемлемости

6.1 Прежде чем приступить к рассмотрению жалобы, представленной в сообщении, Комитет должен установить, является ли она приемлемой в соответствии со статьей 22 Конвенции. Согласно пункту 5 а) статьи 22 Конвенции Комитет удостоверился в том, что этот же вопрос не рассматривался и не рассматривается по какой-либо другой процедуре международного расследования или урегулирования.

6.2 Согласно пункту 2 б) статьи 5 Факультативного протокола, Комитет не рассматривает никаких сообщений от лиц, пока не удостоверится в том, что данное лицо исчерпало все доступные внутренние средства правовой защиты. Комитет отмечает, что в данном деле государство-участник не оспаривает того, что заявители исчерпали все доступные внутренние средства правовой защиты. Поэтому Комитет

делает вывод о том, что ничто не препятствует ему в рассмотрении данного сообщения на основании пункта 5 b) статьи 22 Конвенции.

6.3 При отсутствии других препятствий для признания сообщения приемлемым Комитет признает его приемлемым и приступает к его рассмотрению по существу.

Рассмотрение сообщения по существу

7.1 В соответствии с пунктом 4 статьи 22 Конвенции Комитет рассмотрел сообщение в свете всей информации, предоставленной ему сторонами.

7.2 В данном случае перед Комитетом стоит вопрос о том, будет ли принудительная высылка заявителей в Пакистан представлять собой нарушение обязательства государства-участника по статье 3 Конвенции не высылать или не возвращать («refouler») какое-либо лицо в другое государство, если имеются серьезные основания полагать, что ему или ей может угрожать там применение пыток. Это включает пытки или другие виды неправомерного обращения со стороны негосударственных образований, в том числе групп, которые незаконно осуществляют действия, причиняющие сильную боль или страдание, в целях, запрещаемых Конвенцией, и в отношении которых государство пребывания не имеет фактического контроля либо имеет его лишь частично, или действия которых оно не в состоянии предотвратить, или безнаказанности которых оно не в состоянии противодействовать¹¹.

7.3 Комитет должен определить, существуют ли достаточные основания полагать, что лично заявителям будет угрожать опасность подвергнуться пыткам по возвращении в Пакистан. При оценке этой опасности Комитет должен принять во внимание все соответствующие соображения, вытекающие из пункта 2 статьи 3 Конвенции, включая наличие постоянной практики грубых, вопиющих или массовых нарушений прав человека. Вместе с тем Комитет напоминает, что целью такой оценки является определение того, будет ли данному лицу лично угрожать предсказуемая и реальная опасность подвергнуться пыткам в стране, в которую он или она подлежит возвращению. Следовательно, наличие практики грубых, вопиющих или массовых нарушений прав человека в той или иной стране само по себе не является достаточным основанием для определения того, что соответствующему лицу будет угрожать опасность подвергнуться пыткам по возвращении в эту страну; должны быть приведены дополнительные основания для подтверждения того, что такая опасность будет угрожать лично данному лицу. И наоборот, отсутствие постоянной практики вопиющих нарушений прав человека не означает, что соответствующее лицо не может быть подвергнуто пыткам с учетом конкретных обстоятельств его или ее дела¹².

7.4 Комитет ссылается на свое замечание общего порядка № 4 (2017) об осуществлении статьи 3 в контексте статьи 22, согласно которому обязательство о невыдворении существует во всех случаях, когда имеются «серьезные основания» полагать, что соответствующему лицу будет угрожать опасность подвергнуться пыткам в государстве, депортация в которое его ожидает, либо в качестве отдельного лица, либо в группе, которая может подвергнуться опасности применения пыток в государстве назначения. Комитет напоминает, что «серьезные основания» существуют всякий раз, когда угроза пыток является «предсказуемой, личной, существующей и реальной» (пункт 11). К признакам личной опасности могут относиться, в частности: а) этническое происхождение и религиозная принадлежность заявителя; б) политическая принадлежность или политическая деятельность заявителя; в) арест или задержание без гарантии справедливого судебного разбирательства и обращения; д) заочное вынесение приговора; и е) предыдущее применение пыток (пункт 45).

7.5 В отношении существа сообщения, представленного в соответствии со статьей 22 Конвенции, бремя доказывания возлагается на заявителя, который должен аргументированно представить дело, т. е. представить убедительные доводы, доказывающие, что опасность подвергнуться пыткам является предсказуемой и

¹¹ Комитет против пыток, замечание общего порядка № 4 (2017), пункт 30; *С. против Швеции* (CAT/C/65/D/691/2015), пункт 9.2.

¹² Например, *Е.Т. против Нидерландов* (CAT/C/65/D/801/2017), пункт 7.3.

действительно существующей, личной и реальной (пункт 38). Однако если заявитель находится в ситуации, когда он или она не может представить более подробную информацию по его или ее делу, например когда заявитель доказал, что он или она не имеет возможности получить документацию, касающуюся его или ее утверждений о применении пыток, либо находится в условиях лишения свободы, то бремя доказывания возлагается на противоположную сторону, и соответствующему государству-участнику надлежит расследовать эти утверждения и проверять информацию, на основании которой подана жалоба (пункт 38). Комитет также напоминает, что он придает большое значение заключениям, сформулированным органами соответствующих государств-участников на основе выявленных фактов, но при этом не считает себя связанным такими заключениями и будет осуществлять свободную оценку имеющейся у него информации в соответствии с пунктом 4 статьи 22 Конвенции, принимая во внимание все обстоятельства, относящиеся к каждому делу (пункт 50)¹³.

7.6 Комитет принимает к сведению утверждение заявителей о том, что они опасаются за свою жизнь и физическую неприкосновенность в Пакистане, поскольку они являются христианами и на них выдан ордер на арест. Комитет принимает к сведению утверждения заявителя о том, что, работая в посольстве Швейцарии в Исламабаде, он часто получал телефонные звонки в 2010 и 2011 годах от лиц, предлагавших ему взятки за получение виз. Заявитель утверждает, что звонившие ему лица напали на него в Лахоре, что он получил анонимное письмо с угрозами и что против него была подана уголовная жалоба на богохульство. Комитет принимает к сведению утверждения заявителей о том, что в результате этих инцидентов они покинули Пакистан; что впоследствии полиция дважды являлась к брату заявителя в поисках заявителя; что они вернулись в Пакистан, потому что надеялись, что там ситуация там улучшилась; и что они вновь покинули Пакистан, узнав, что в отношении заявителя был зарегистрирован первый информационный отчет. Комитет принимает к сведению утверждение заявителей о том, что на основании отчета, в котором говорится, что против заявителя была подана уголовная жалоба на богохульство в соответствии со статьями 295-А и 295-С Уголовного кодекса Пакистана, государству-участнику следует воздержаться от их высылки в Пакистан. Комитет принимает к сведению их утверждения о том, что проведенная швейцарскими органами по вопросам предоставления убежища оценка достоверности было ошибочной и произвольной и что в Пакистане христиане подвергаются широкомасштабным преследованиям и не пользуются защитой со стороны государства.

7.7 Комитет также принимает к сведению позицию государства-участника, согласно которой утверждения заявителей не заслуживают доверия и по существу противоречат друг другу. В этой связи Комитет отмечает, в частности, довод государства-участника о том, что добровольное возвращение заявителей в Пакистан свидетельствует о том, что они не боялись причинения им там вреда. Комитет также принимает к сведению позицию государства-участника, согласно которой трудно представить, чтобы заявитель не проинформировал своих руководителей в посольстве Швейцарии в Исламабаде о том, что он почти ежедневно получал телефонные звонки с угрозами на работе. Комитет принимает к сведению замечание государства-участника о том, что, возвращаясь в Пакистан, заявители забронировали обратный рейс в Швейцарию. Он также принимает к сведению выводы государства-участника о том, что первый информационный отчет и анонимное письмо с угрозами, направленное заявителями, были неподлинными, отчасти потому, что в них содержалась формулировка на английском языке. Комитет далее отмечает, что, по мнению государства-участника, общее положение в Пакистане само по себе не является достаточным для установления того, что по возвращении заявителям будет угрожать опасность подвергнуться пыткам, и что условия для христиан там улучшились.

¹³ Там же, пункт 7.5.

7.8 Комитет напоминает, что он должен выяснить, не грозит ли заявителям в настоящее время опасность подвергнуться пыткам в Пакистане¹⁴. Комитет отмечает, что, хотя заявитель утверждает, что 16 апреля 2011 года подвергся нападению и жестокому избиению со стороны лиц, которые угрожали ему по телефону, он при этом не утверждает, что он нуждался в медицинской помощи или обращался за ней после инцидента, и не представляет документов, подтверждающих, что он подвергся нападению или пыткам. Комитет также отмечает, что заявители не представляют в своем сообщении никакой дополнительной информации об инциденте или его последствиях и не объясняют, почему они считают, что нападавшие также несут ответственность за телефонные звонки. Комитет далее отмечает, что, хотя заявитель оспаривает решение швейцарских властей о том, что письмо с угрозами, полученное им в марте 2011 года, было ненастоящим, поскольку оно было написано частично на английском языке, он не изложил содержания этого письма и не представил его Комитету. Комитет отмечает, что он не представил никаких других документов, подтверждающих его утверждения о том, что в период работы в посольстве Швейцарии в Исламабаде ему почти ежедневно поступали телефонные звонки с угрозами. Комитет отмечает, что после телефонных звонков с угрозами, письма и нападения заявители не сообщили об этом швейцарскому посольству и решили вернуться в Пакистан в сентябре 2011 года после двухмесячного пребывания в Швейцарии с намерением остаться в Пакистане. Комитет отмечает, что, хотя за два месяца до отъезда из Пакистана заявители узнали о поданной уголовной жалобе на богохульство, они добровольно вернулись в страну спустя несколько месяцев. Комитет считает, что в этих обстоятельствах факт возвращения заявителей в Пакистан не подтверждает их заявления о том, что они опасались за свою жизнь из-за предполагаемых угроз, нападения и уголовного преследования. Комитет также отмечает, что предполагаемые угрозы и нападение имели место 8–9 лет назад в связи с прежней работой заявителя, которую он покинул в 2011 году, и что из этого отнюдь не следует, что в случае возвращения в Пакистан сейчас кто-то из заявителей подвергнется там риску пыток.

7.9 Комитет далее отмечает, что, хотя заявители утверждают, что покинули Пакистан во второй раз в экстренном порядке 1 октября 2011 года, узнав, что на них был выдан ордер на арест, они уже планировали возвращение в Швейцарию в тот же самый день, купив авиабилет в оба конца. Комитет отмечает, что, хотя заявители утверждают, что ордер на арест был выдан на них обоих, они не представляют подробностей или документов, подтверждающих это утверждение, и не объясняют, почему ордер на арест выдан и на заявительницу, если жалоба по уголовному делу и первый информационный отчет касаются только заявителя. Комитет также отмечает, что заявители не сообщают, что имели личные контакты с полицией или другими лицами, обвинившими их в богохульстве, и не утверждают, что столкнулись с проблемами при выезде из Пакистана в октябре 2011 года, несмотря на предполагаемый ордер на арест. Комитет далее отмечает, что в сообщении не содержится обоснованной информации о каких-либо преследованиях, которым подверглась заявительница. Комитет отмечает, что заявители имели две возможности быть заслушанными Федеральным управлением по делам миграции в ходе бесед в 2011 и 2014 годах. Комитет считает, что, хотя заявители оспаривают решение о том, что первый информационный отчет и анонимные письма являются неподлинными, приведенные ими аргументы не свидетельствуют о том, что оценка документов швейцарскими органами по вопросам убежища была явно произвольной или ошибочной или представляла собой отказ в правосудии. Комитет также отмечает, что, хотя заявители оспаривают решение властей о том, что письма от церковных должностных лиц были просто фиктивными, они не представили эти письма Комитету.

7.10 Комитет выражает обеспокоенность в связи с тем, что в соответствии со статьей 295-С Уголовного кодекса Пакистана богохульство влечет за собой обязательное вынесение смертного приговора, хотя государство никогда не казнило

¹⁴ Например, *Г.Б.М. против Швеции* (CAT/C/49/D/435/2010), пункт 7.7.

никого за это преступление¹⁵. Комитет также глубоко обеспокоен сообщениями о том, что в Пакистане нередки случаи, когда члены общины ложно обвиняют отдельных лиц в богохульстве и жестоко нападают на них толпой, при отсутствии эффективных усилий по предупреждению или вмешательству со стороны государства¹⁶. В этой связи Комитет ссылается на свои заключительные замечания, принятые в 2017 году по первоначальному докладу Пакистана, в которых он выразил обеспокоенность в связи с сообщениями о недостаточности усилий государственных органов по защите уязвимых лиц, включая членов христианских общин и лиц, обвиняемых в богохульстве, от насилия со стороны негосударственных субъектов (CAT/C/ПАК/СО/1, пункт 36). Комитет напоминает, что в соответствии с его замечанием общего порядка № 2 (2007 год) об осуществлении статьи 2 неспособность государств-участников проявлять должную осмотрительность для вмешательства с целью прекращения пыток, наказания виновных и предоставления средств правовой защиты жертвам пыток способствует и позволяет негосударственным субъектам безнаказанно совершать недопустимые по Конвенции деяния (пункт 18). Вместе с тем Комитет также напоминает, что возникновение в стране случаев нарушения прав человека как государственными, так и негосударственными субъектами само по себе не является достаточным основанием для вывода о том, что заявителю лично угрожает опасность подвергнуться пыткам.¹⁷ Комитет ссылается на свои выводы в пунктах 7.8 и 7.9 выше и считает, что в данном случае заявители не продемонстрировали, что государство-участник не смогло надлежащим образом оценить их утверждения о том, что заявитель разыскивался полицией в связи с обвинениями в богохульстве и подвергался угрозам и жестоким нападениям со стороны лиц, которые просили его незаконно предоставить им швейцарские визы. По причинам, изложенным выше, Комитет приходит к выводу, что представленной заявителями информация недостаточно для установления серьезных оснований полагать, что в случае возвращения в Пакистан они столкнутся с предсказуемой, личной, актуальной и реальной опасностью подвергнуться пыткам либо со стороны должностных лиц государства, либо со стороны неконтролируемых негосударственных субъектов.

8. На основе вышеизложенного и в свете представленных ему материалов Комитет считает, что заявители не представили достаточных доказательств, позволяющих сделать вывод о том, что их принудительная высылка в Пакистан создаст для них предсказуемую, реальную и личную угрозу применения пыток по смыслу статьи 3 Конвенции.

9. Комитет, действуя в соответствии с пунктом 7 статьи 22 Конвенции, постановляет, что высылка заявителей государством-участником в Пакистан не будет представлять собой нарушения статьи 3 Конвенции¹⁸.

¹⁵ См., например, главу о Пакистане в Human Rights Watch, *World Report 2018* (New York, 2018).

¹⁶ E.g., United Nations High Commissioner for Refugees (UNHCR), *Eligibility Guidelines for Assessing the International Protection Needs of Members of Religious Minorities from Pakistan*, document HCR/EG/ПАК/17/01, January 2017, pp. 39–40; Human Rights Commission of Pakistan, *State of Human Rights in 2017* (Lahore, 2018), pp. 3–4; United States Commission on International Religious Freedom, *2018 Annual Report* (Pakistan chapter) (Washington, D.C., 2018).

¹⁷ Например, *И.Е. против Швейцарии* (CAT/C/62/D/683/2015), пункт 7.8.

¹⁸ Тем не менее Комитет выражает обеспокоенность по поводу неоспоренного утверждения заявителей о том, что, хотя государство-участник просило прекратить действие настоящего сообщения 25 апреля 2017 года на том основании, что заявители исчезли, они уже сообщили швейцарским властям о своем переезде из предоставленного правительством жилья в частное жилье в Швейцарии в письме от 24 марта 2017 года.

Приложение

[Язык оригинала: французский]

Отдельное (несогласное) мнение Абдельвахаба Хани

1. Комитет должен был указать, что между двумя собеседованиями заявителей с Государственным секретариатом по вопросам миграции прошло около трех лет. Эта задержка может объяснить некоторые незначительные фактические противоречия в заявлениях, сделанных ими властям относительно случайных, несущественных моментов для их ходатайства о предоставлении убежища¹, таких как точные даты посещений полицией дома брата заявителя и место, где заявители потеряли свои паспорта. Государство-участник не оспаривает личности заявителей, тот факт, что они являются христианами, что заявитель работал в посольстве Швейцарии в Исламабаде. Заявитель дал швейцарским властям логические объяснения относительно многих своих утверждений. Например, он объяснил, что если он и не сообщил своим руководителям в посольстве о получаемых телефонных звонках с угрозами, что было сочтено нелогичным швейцарскими властями, то только потому, что опасался предвзятого отношения полиции к себе из-за своего христианского исповедания. Учитывая достоверные сообщения о том, что пакистанская полиция часто не в состоянии обеспечить эффективную защиту религиозным меньшинствам, включая христиан, такое объяснение является разумным².

2. Причины, приведенные государством-участником для установления того, что первый информационный отчет не имеет доказательной силы, не являются убедительными. Разумеется, речь идет о копии, но вполне вероятно, что у полиции сохранился оригинал. Государство-участник сочло, что этот документ является подделкой, поскольку на штампе имеется надпись на английском языке «Полицейский участок – Лахор – Лиакатабад». Пакистан когда-то был британской колонией, и государство-участник, по-видимому, не расследовало, широко ли английский язык по-прежнему используется в официальных документах. В отношении позднего представления протокола заявители указали, что они представили его через несколько недель после того, как власти государства-участника потребовали его. Швейцарские власти должным образом не учли этого. Аналогичным образом, наличие нескольких английских слов в анонимном письме, направленном заявителю, который работал в иностранном посольстве, необязательно является достаточным для оспаривания его доказательной ценности этого письма.

3. Кроме того, хотя заявитель не представил документов в подтверждение заявления о том, что в 2011 году против него был выдан ордер на арест, в сообщениях указывается, что Уголовный кодекс не требует раскрытия доказательств после обвинений в богохульстве³. Достоверная информация также указывает на то, что требование к сотрудникам полиции расследовать жалобы на богохульство до их направления в суд редко соблюдаются⁴. Государство считает, что утверждения заявителей о том, что они опасались вернуться в Пакистан, не заслуживают доверия, поскольку они добровольно вернулись в эту страну; но заявители сказали, что они не видели первого информационного отчета, пока не вернулись в Пакистан, а затем быстро покинули страну. В первом информационном отчете против заявителя выдвинуто обвинение в богохульстве, и текущая ситуация указывает на наличие серьезных оснований полагать, что лица, обвиняемые в богохульстве, с одной

¹ See Office of the United Nations High Commissioner for Refugees (UNHCR), *Beyond Proof: Credibility Assessment in EU Asylum Systems* (Brussels, May 2013), p. 42 (English only).

² See, inter alia, United Nations High Commissioner for Refugees (UNHCR), *UNHCR Eligibility Guidelines for Assessing the International Protection Needs of Members of Religious Minorities from Pakistan*, HCR/EG/PAK/17/01, January 2017, p. 39.

³ Ibid., p. 17.

⁴ Ibid.

стороны, лично подвергаются риску быть убитыми в Пакистане, а, с другой стороны, не могут полагаться на эффективную защиту органов государственной власти.

4. С учетом вышеизложенного Комитет должен был прийти к тому выводу, что возвращение заявителей в Пакистан будет представлять собой нарушение статьи 3 Конвенции.
